

Акторный подход в современных социальных науках: экономике, социологии и политологии

Традиции рассмотрения социально-политической реальности через деятельность акторов можно найти и в экономике, и в социологии, и в политологии. Такое сложное явление как глобальное со-управление требует междисциплинарного подхода и учета подходящих разработок всех социальных наук.

Институты и акторы в экономике

В научной литературе насчитывается несколько сотен трактовок понятия «институт». В нашу задачу не входит анализ этих трактовок и поиск некоторой «золотой середины», или варианта трактовки, приемлемого для наших целей исследований. Нашей задачей является определение четких различий между понятиями «институт», «институция», «правила», «практики», «взаимодействие», «актор», «организация», «глобальные неправительственные акторы». Иными словами, речь идет об определении взаимосвязанного понятийного ряда, а не отдельных понятий.

Общая логическая схема определения данного понятийного ряда состоит в том, чтобы все понятия были связаны между собой и получили единое объяснение через отношение к человеческой деятельности. В этом случае, базовым понятием оказывается понятие «практики», посредством которого получают свою трактовку все остальные понятия данного ряда.

Итак, под практиками мы понимаем любую конкретную деятельность людей. По составу участников деятельности практики можно подразделить на персональные (деятельность одного человека), групповые (при одновременной включенности в деятельность нескольких или многих людей), общественные (одновременная включенность народов) и цивилизационные (одновременная включенность всего человечества). Участников деятельности мы будем называть акторами. В соответствии с практиками, акторы могут быть персональными, групповыми, общественными и цивилизационными.

По содержанию деятельности практики можно подразделить на физические (обеспечивающие материальное существование акторов), психические (обеспечивающие духовное существование акторов) и средовые (энvironmentальные – изменяющие среду обитания акторов).

По характеру деятельности практики можно подразделить на практики взаимодействия (кооперативная деятельность акторов), практики противодействия (конкурентная деятельность акторов) и практики ододействия (воздействие актора на самого себя или на любой объект, кроме человека).

Развернутое определение практик может звучать следующим образом: практики это деятельность акторов по обеспечению своего материального, духовного и средового существования.

Теперь мы можем ввести понятие эффективных практик, как практик, позволяющих достичь поставленных целей. Каждая практика начинается с формулирования цели – Чего мы хотим достичь? Каждая практика заканчивается сравнением поставленной цели и достигнутого результата. Если цель и результат совпадают, значит, практика может быть признана успешной (эффективной). Если результат не удовлетворяет актора, значит, практика была не успешной (неэффективной).

Успешные практики есть смысл запоминать в виде «образца» действия и при последующих аналогичных действиях просто следовать этому образцу. Так, успешные практики становятся источником правил – образцов действия. Чем большим количеством правил пользуется актер, тем выше вероятность успешных действий и меньше

вероятность неуспешных (ошибочных) действий. При равных первоначальных условиях, каждое «правильное» действие одних акторов и каждое «неправильное» действие других акторов приводит к изменению их взаимного положения (позиционирования) в социальной группе и в обществе. Если в качестве основных критериев успешности практик использовать два критерия: - 1) продолжительность жизни и 2) комфортность жизни (под комфортом понимается материальный, духовный или средовой комфорт), то акторы с наибольшей продолжительностью комфортной жизни занимают высшее положение в социальной стратификации и сами начинают выступать в качестве «образцов» для подражания. Получив социальный статус «учителей» в силу своего возраста и уровня видимой комфортности жизни, такие люди становятся источниками правил, передавая их в виде отдельных «поучений» или в виде комплексных «учений», охватывающих все основные виды практик.

В том случае, если «учитель» еще молод и его существование не соответствует представлениям о комфортной жизни, необходимы «чудесные» подтверждения правильности его учения, которые могут убедить подражающих поступать в соответствии с наставлениями «учителя».

Таким образом, люди располагают двумя источниками правил – собственными успешными практиками и поступками «учителей», включая собственных родителей. Получение собственного опыта всегда предполагает большее количество ошибок и более длительный период достижения комфорта, поэтому подавляющее большинство людей склонны к получению правил от учителей (склонны к обучению). Однако у людей, вырабатывающих собственные правила также есть преимущество в нахождении совершенно новых правил поведения, приносящих больший успех, чем общепризнанные правила.

Освоение правил (успешных практик) в процессе обучения имеет еще одно преимущество перед самостоятельной выработкой правил. Это преимущество состоит в возможности обучиться не одному отдельно взятому правилу, а институции, как своду (совокупности) правил, позволяющих успешно выполнять определенные социальные роли. Например, для выполнения роли отца семейства необходимы успешные практики взаимодействия с супругой, детьми, своими родителями и родителями супруги и т.д. Такие взаимодействия, а иногда и противодействия, требуют использования свода правил и такой свод правил мы будем называть институцией. Итак, институция это свод взаимосвязанных правил, необходимый для успешного выполнения социальной роли.

Есть смысл разделить институции на формальные и неформальные. К формальным институциям относятся общепринятые в данном обществе своды правил. Для их обозначения можно использовать также термин «кодекс». В то же время, отдельными социальными группами или отдельными людьми могут использоваться неформальные институции, отличающиеся от кодексов, и даже прямо противоположные им по содержанию правил. Таким образом, у каждого человека возникает возможность действовать не по одному-единственному своду правил, а выбирать между несколькими сводами правил поведения. Если следование неформальным институциям приводит к более успешным результатам, чем следование кодексам, то постепенно неформальные институции будут вытеснять формальные институции и становиться общепризнанными для данного общества. Этот процесс взаимозаменяемости институций в обществе можно назвать «институционный маятник».

Теперь определим понятие «институт». Назовем «институтами» наиболее устойчивые формы организации взаимодействия между людьми. Институты могут быть разделены на групповые, общественные и цивилизационные. Институт выступает как своеобразная модель организации взаимодействия. В отличие от института, термин «организация» будет означать реально существующую, конкретную организацию людей, в виде конкретной группы, конкретного общества или цивилизации.

Рассмотрим применение перечисленных понятий для анализа различных ситуаций. Начнем с института Семьи (форма организации микро-группового взаимодействия). Семья вообще, как модель организации взаимодействия мужчины и женщины для продолжения рода и взаимовыгодного проживания, существует практически во всех обществах. Следовательно, Семью действительно можно рассматривать как институт, т.е. как наиболее устойчивую форму организации взаимодействия между людьми. Семья Ивановых, включающая Петра Иванова (муж и отец), Марию Иванову (жена и мать) и Владимира Иванова (сын) будет конкретной организацией, основанной на модели Семьи. Ежедневная практика взаимодействия всех трех членов семьи приведет вначале к формированию правил семейного поведения (режим дня, правила еды, правила сна и т.д.), затем к формированию формальных и неформальных институций. В том случае, если следование формальным институциям будет обеспечивать успешное существование всех членов семьи, они будут сохраняться и воспроизводиться. В случае ошибочного поведения, правила должны быть изменены и неформальные институции могут заменить формальные институции.

Второй пример – институт Вооруженных сил (форма организации общественного взаимодействия). Вооруженные силы как модель обеспечения внешней безопасности любого общества, также существуют во всем мире. Вооруженные силы Российской Федерации являются конкретной организацией, созданной на базе этой модели. Формальной институцией в Вооруженных силах РФ является федеральный закон «Об обороне» и общевоинские уставы. Неформальными институциями являются дедовщина или землячество, формирующие своды правил неуставных отношений между военнослужащими.

Субъектно-деятельностная традиция в социологии

В социологии уже сформировалась довольно мощная традиция исследований общественных движений: парадигма «коллективного поведения», ресурс-мобилизационная перспектива, традиция исследований «новых общественных движений»¹. На этом фоне в последние пару десятилетий появляется вполне самостоятельная и в определенной мере «новая» традиция, которую обозначают как «субъектно-деятельностная традиция» или же проще – «активистская социология» [Sztompka 1991; Ядов 2009]. Мы можем выделить несколько ее базовых положений.

1. В качестве теоретического основания активистская социология берет проблематику «теорий деятельности» или «теорий социального действия». Основной круг проблем и вопросов, дискутируемый в них – изучение взаимосвязи между ментальными событиями и состояниями, локализованными в сознании индивида, и внешне проявляемой активностью, поведенческими событиями; исследование природы интенциональности (кто является источником целеориентированной деятельности – субъективный мир или внешние, объективированные детерминации); разбор многослойного соотношения структуры и действия с точки зрения отношений автономности / зависимости на индивидуальном уровне – с одной стороны, и субъективных интенций и индивидуального опыта – с другой².

2. Основное направление проблематизаций – природа и детерминанты «социальных изменений», процессы «социального становления» [Sztompka 1991]. Активистская социология пытается уйти от однозначно «холистского» или же «индивидуалистского» объяснения социальных структур и порядков. Представители этого направления показывают, что безусловно существует институциональная детерминация индивидуальной и коллективной активности, однако структуры оказывают не только

¹ См., например: [Здравомыслова 1993; Jenkins 1983; Della Porta, Diani 2006].

² Подробнее см.: [Деяtko с.63-66].

ограничивающее влияние, но и создают возможности для человеческой деятельности. Однако в то же время, единственный источник изменений в обществе – активная деятельность «участников социального события» [Giddens 1994, p.14–15].

3. Активистская социология пытается уйти от неявной метафоры «статичности» как социальных установлений, так и акторов, и подчеркивает динамичный характер, имманентно трансформационный характер и действия, и структур. Не только действие по мере своего осуществления развивается, обнаруживая потенциал трансформаций, но также и общественные установления (институты, нормы, культура) создают возможности для собственных изменений [Арчер 1994].

4. Соответственно, еще одна область приоритетных задач - интерес к природе активности и ее «креативному потенциалу»: индивиды своей деятельностью не только преобразуют общество, но одновременно изменяют и самих себя. Их деятельность – рефлексивна по своей природе, поскольку при осуществлении всякого рода взаимодействий каждый их участник обращается к багажу знаний и «обыденных теорий» как к *практическому ресурсу*. Значение «рациональности» действий не преувеличивается, поскольку исследуются различные ограничения рациональности – особенно действия в «ситуациях неопределенности»³. В качестве креативного эффекта деятельности рассматриваются процессы формирования коллективного субъекта как «творца» новых форм солидарности, новых «систем правил» и культурных образцов.

5. Акцент на трансформационных процессах, возможности социальных изменений и на природе активности логично объясняет интерес к деятельностным характеристикам актора, к его *способности* совершать действие (и как акт вовлеченности в ситуацию, событие, и как реализацию трансформирующей потенции).

В качестве отправной точки активистская социология определяет для себя известный постулат К. Маркса о том, что люди, оказываясь при рождении в биографически унаследованных общественных условиях жизни, способны своей деятельностью изменить их. «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан... Совпадение *изменения обстоятельств и человеческой деятельности* (выделено мной – И.К.) может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» [Маркс 1955, с 2].

Таким образом, в марксизме, а потом и в неомарксизме решался важный вопрос: как людские массы могут *мочь*, ведь, с одной стороны, одного хотения недостаточно для того, чтобы действие осуществилось, а с другой - социальные сдвиги иногда совершаются вопреки желаниям и намерениям людей⁴. Маркс сформулировал идею, что социальную историю творят субъекты особого типа: *класс-для-себя*. Для революционной практики (в

³ Здесь, в констатации ограниченных способностей человека осваивать информацию и использовать ее, в моделировании процессов принятия решений в условиях неопределенности и дефицита ресурсов – временных, когнитивных, информационных – обнаруживается переключки с некоторыми теориями неоинституционализма [Флигстин 2001], а также с исследованиями в области когнитивной психологии [Солсо 1996; Когнитивная психология, 2011].

⁴ Французская революция породила культ социальной мощи толпы, легитимировала идею народных масс как автономной силы, обладающей способностью к самотождественному действию. Вместе с тем, уже Токвиль и Конт задавались вопросом: как люди начинают хотеть действовать, прежде чем станут субъектом действия в реальности. Они открыли особую роль интеллектуалов – людей, работающих с миром идей и сообщающих обществу как образы будущего, так и представления о способах его достижения. Эта же идея, но в «перевернутом» виде есть у М. Бакунина, это разоблачение «мнимых субъектов», доктринеров от религии, политической системы, буржуазной науки и образования. Сама возможность их существования конструируется правящими классами для придания легитимности существующему порядку.

терминах Маркса) мало, чтобы в обществе просто была масса людей, где каждый желает для себя какого-то другого будущего, чем плохое настоящее. Люди должны осознать себя в качестве *особой* социальной группы, занимающей *важное* положение в сложившейся социальной системе, осознать, в чем заключаются *собственные групповые или классовые* интересы, а также понять причины, *препятствующие* реализации желаемого будущего. Таким образом, Маркс обозначил два важных признака коллективного социального субъекта: ингрупповая идентичность и противопоставленность другим группам в контексте борьбы интересов.

Предтеча неомарксизма Д. Лукач предлагает концепцию *«самотождественного субъект-объекта»*, который реализует себя в социальном творчестве: в этом процессе он не только познает и развивает себя – одновременно он *формирует условия* для изменения своего (классового) положения. Достичь самотождественности возможно, только преодолев эпистемическое отчуждение от социо- и культурогенеза. А для этого нужно не просто отказаться от пассивных или же реактивно-приспособительных стратегий действия. Главное – занять «внемировую» позицию познающего субъекта, в рамках которой и мир, и сам субъект предстают *постоянно становящимися*, а не *ставшими*, а содержание рассудка (сознания) не *дано*, но постоянно *«производится»* им же самим [Давыдов 1998, с.471].

Непосредственное начало активистской традиции приходится на 50-е – 60-е годы XX века в связи с бурным развитием исследований общественных движений. Социологи задались целью объяснить, каковы детерминанты коллективного действия и в чем заключается его эффективность, способно ли оно вызвать серьезные изменения в политике и в обществе, и каковы сущностные отличия от множества форм массового поведения, которое хоть и распространяется на значимо большее число людей, но редко приводит к преобразованию обществ. Оказалось, что теоретические ресурсы социологии не только не позволяют плодотворно работать с «живой фактурой», но также само их развитие в качестве «теорий среднего уровня» не успевает за динамикой форм самоорганизации, многие из которых возникали как социо-культурные эксперименты на периферии «господствующих» культурных систем и идеологий.

Одними из первых исследователей, обративших внимание на этот феномен, стали А. Этциони и А. Турен. Этциони, работавший в логике системно-кибернетического подхода, по большей части занимался исследованиями «сложных организаций». Однако в 60-х годах он переносит метафору организации для исследования макросистем – обществ и наднациональных, межгосударственных образований. Его главная задача – построить концепцию, как возможно перейти от изучения стихийных общественных процессов (в первую очередь самоорганизации) к теории «планируемых перемен». С одной стороны, в ряде работ он привлекает концептуальный аппарат ресурс-мобилизационного подхода, вполне традиционно показывая, что реальным субъектом социального (в том числе и политического) действия становятся те общности, которые справляются с задачей *мобилизации и контроля ресурсов*, где коллективное участие, солидарная поддержка оказываются одним из базовых условий эффективности и успеха⁵. С другой стороны, он реализует «системно-организационную» методологию. Он разрабатывает идею *активного общества* как *респонсивной* системы, в которой общественные объединения и отдельные граждане имеют постоянно обновляемый опыт социальной мобилизации и коллективного действия, а государственные учреждения и институты обладают *организованной*, т.е. специальным образом устроенной способностью воспринимать воздействие и отзываться

⁵ Важно, что Этциони рассматривает процесс мобилизации в контексте взаимодействия различных организационных (под)систем. Важно подчеркнуть, что мобилизация означает изменения в структуре «сетей контроля», существовавших прежде между агентами разного уровня в рамках одной макрообщности, а также в возможностях «контролирующего влияния» противостоящих акторов [Etzioni 1968b, p.243-252].

на него [Etzioni 1968a, p.504]. Эта способность – «респонсивность», складывается из способности к поиску и управлению поступающей информацией, к формированию и планированию ответа, а также – из способности к эластичности, из умения находить баланс между мобилизационными требованиями и потребностями социетального выживания.

В фокусе внимания Этциони - развитие способности компетентного участия социальных акторов в противовес естественному стремлению ригидной власти «не принимать» неудобные для нее сигналы и очень резко реагировать на те, которые непосредственно затрагивают ее интересы. Наихудшим образом все недостатки респонсивности проявляются в ситуации конфликтного взаимодействия. Он выстроенности этой «организованной способности» зависит, перерастет ли конфликт в «мобилизационную кампанию» – с действиями и контрдействиями, с отвлечением ресурсов с актуальных задач и направлением их на противодействие возрастающей ресурсности контрагента. Если управляющий актор теряет способность к контролю (реализации принуждения) и к достижению согласия (формулирование и признание взаимных обязательств), это означает закономерное усиление этих способностей у контрагента. То есть, определять ситуацию (или хотя бы стремиться к этому) будут те акторы, которые успешнее развивают в себе соответствующие способности и эффективнее обеспечивает их ресурсами [Etzioni 1968a, p.338].

Демобилизованность, пассивность общества – не в интересах системы. Один из основных ресурсов индивида - умение избегать нежелательных стратегий действия, способность вмешиваться в события или же воздерживаться от вмешательства, что и оказывает влияние на какой-либо процесс или положение дел. Это, согласно А. Этциони, один из базовых принципов взаимозависимости институтов и внелинституциональной среды [Etzioni 1968a, p.417]. Действительно, трансформации, которые происходят с социальными институтами в ситуации отказа граждан от институционального сотрудничества с ними, с высокой вероятностью формируют воспроизводимое отчуждение. Это означает, с одной стороны, предрасположенность системы манипулировать людьми, не заботясь об их "компетентном участии", а с другой, - состояние депривации, зависимости, неприятия индивидом условий, при которых его действия находятся вне пределов его собственного понимания и контроля (Этциони называет это «невозможностью аутентичного участия» [Etzioni 1968a, p.618]). Он показывал, что активные общества последовательнее и эффективнее решают свои проблемы, чем пассивные или «*дрейфующие*». Основная характеристика последних – проведение требуемых изменений только тогда, когда в них назревает настоятельная необходимость, и практически всегда – в состоянии угрозы превращения проблемной ситуации в системную, увязанную со множеством других проблем.

По мере накопления опыта исследований социальных движений 60-х – 70-х метода аналитической работы существенно менялась. Наиболее ярко это проявилось в размышлениях Аллана Турена о социальном действии, поскольку общество нужно изучать в его динамике и в противоречиях, порождающих конфликты. Он обратил внимание на имплицитную односторонность классической социологии, сводившей анализ социального действия к определению позиции агента в системе – главном носителе смысла. По мнению же Турена, любой действующий субъект не только *обусловлен* ситуацией, но и *участвует* в ее производстве. «Надо отказаться оттого, чтобы анализировать действующих лиц без всякого отношения их к общественной системе. Верно также и обратное: бессмысленно описывать систему без действующих лиц. Свойство человеческих систем в том, что они не только способны адаптироваться гомеостатическим образом, но и в том, что они порождают и изменяют собственные действия» [Турен 1998, с. 8-9]. Степень такого формирующего влияния определяется

способностью актора (как индивида, так и коллективного субъекта) освободиться от форм, традиций и норм, подталкивающих к их конформному потреблению и пассивному воспроизводству поведения на их основе; освобождение должно совершаться ради реализации принципов самостоятельного определения своей деятельности и заинтересованного, неотчужденного участия в производстве новых культурных моделей. Именно производство и переопределение культурных, экономических, властных и более «тонких» - когнитивных и этических моделей и определяет процессы «историчности» - «способности общества конструировать себя посредством конфликтов и общественных движений» [Турен 1998, с. 40, 57].

Из этого рассуждения проистекает интерпретация еще одного понятия – института. По мнению Турена, оно должно обозначать не то, что *институционализировано*, а того, *кто институционализирует*, т.е. «механизмы, посредством которых культурные ориентации трансформируются в общественную практику» [Турен 1998, с. 57-58]. Через институты проходит совокупность инвестиций власти в общественную практику. Ресурсы контролируются особой господствующей группой, отождествляемой с ними и реализующей с их помощью свои интересы. Следовательно, ею же контролируется характер историчности.

И еще одно важное понятие – субъект. Основным качеством Турен считает осознание индивидом *дистанции* по отношению к своей способности «определять историчность», преобразовывать наличный социальный мир, а также к инструментам и обоснованиям такой трансформирующей способности [Турен 1998, с.10]. Ключевыми инструментами преобразования историчности Турен полагает общественные движения и конфликт. «Общественное движение,.. включенное в конфликт, является истинным субъектом в том случае, если способно осознать себя и утвердиться скорее в качестве производителя, чем потребителя общественной ситуации. Оно должно поставить последнюю под вопрос, вместо того чтобы только соответствовать ей» [Турен 1998, с.23]. Таким образом, идея *действующего субъекта* приводит Турена к формированию особого взгляда на современность, которая характеризуется растущей способностью коллективных агентов воздействовать *на самих себя*, определять характер собственной жизни в противовес предписаниям и влиянию власти.

Таким образом, подход, развиваемый Туренном в противовес классическим теориям в социологии, ориентирован в первую очередь на изучение отношений между агентами, имеющими определенные *культурные ориентации* и включенными в *социальные конфликты*. Суть конфликтов – оспаривание отношений господства, позволяющих господствующему агенту управлять главными наличными культурными ресурсами, поскольку социальные акторы не только «владеют» определенными культурными и когнитивными моделями, но и конкурируют друг с другом за возможность собственного контроля над ними [Турен 1998, с.19-21].

Наиболее существенный вклад в разработку теоретических основ активистской социологии внесла теория структуризации Э. Гидденса. Он отчасти скомпилировал, отчасти переопределил ряд концепций и понятий, в частности, он предложил отказаться от привычного обращения с термином «социальная структура». Гидденс определяет ее как *генеративные (порождающие) правила и средства (ресурсы)*, организованные как имманентные свойства социальных систем. То есть, социальные структуры существуют исключительно как *«структурирующие свойства»*, которыми определяются базовые характеристики социальных систем или коллективных образований; они представляют собой виртуальный порядок элементов и характеризуются отсутствием субъекта [Giddens 1979, p. 66]. А вот *«социальные системы»* уже состоят из практик, организованных как взаимозависимость субъекта действия и группы. Это взаимодействие размещено во времени и пространстве, поэтому социальные системы можно интерпретировать как структурные «поля», где агенты занимают определенные позиции по отношению друг к

другу. Таким образом, социальные системы обладают «структурными свойствами» и представляют собой «структурированную целостность».

Понятие субъекта, актора оказывается центральным элементом теории структуриации. Гидденс полагает, что общество создано активной деятельностью субъектов, рефлексивной по своей природе. Неотъемлемой характеристикой повседневного действия любого человека является «рефлексивный мониторинг действия». Это означает, что индивиды «не только сознательно отслеживают ход своей деятельности, ожидают, что другие поступают аналогично, но что они также рутинно отслеживают физические и социальные контексты, в которых находятся» [Giddens 1984, p. 5]. Идея рефлексивного (но интенционального!) действия в трактовке Гидденса отстоит от моделей рационального действия, ведь любая активность осуществляется в контексте неосознаваемых условий и непреднамеренных последствий (тут обнаруживается заимствование у Р. Мертона). Однако именно такими действиями производятся и воспроизводятся системы социального взаимодействия и в конечном итоге – творится социальная история: «История творится интенциональной деятельностью, но не является интенциональным проектом» [Giddens 1984, p. 27].

Важной составляющей проблемы интенциональности, согласно Гидденсу, является соотношение действия и *власти*. Власть сама по себе не является ресурсом. Ресурсы – это *средства, с помощью которых осуществляется власть как рутинная оставляющая поведения*. Если субъект не способен в своей повседневной активности постоянно использовать весь спектр власти, включая контроль за использованием власти другими, тогда он теряет способность реализовывать трансформирующую потенцию своего действия. То есть, участие агента в «событиях мира» относится не к намерению индивида сделать что-то, а в первую очередь к самой способности действовать (подтвержденной или не подтвержденной ресурсами), к способности производить некий результат, по Гидденсу – осуществлять власть [Giddens 1984, p. 14]. Именно ресурсы организуют систему властных отношений в форме отношений автономии / зависимости. Причем, властные отношения взаимнообратимы: отношения автономии и зависимости действуют в обоих направлениях. Такую закономерность социальных систем Гидденс обозначает как «диалектика контроля»: формы зависимости предполагают наличие определенных ресурсов, посредством которых подчиненные могут влиять на действия подчиняющих [Giddens 1984, p. 16]. Диалектика контроля встроена в саму природу деятельности: «Субъект, который не участвует в диалектике контроля, перестает быть субъектом действия» [Giddens 1979, p. 149].

И еще один важный компонент теории структуриации связан с концепцией социальных институтов⁶. В основании лежит посылка, что социальные институты не только определяют действия индивидов, но сами воспроизводятся посредством их рефлексивных действий. Рефлексивность означает одновременно и осознание этой закономерности (генеративная природа институтов), и принципиальную возможность для определенных агентов инициировать социальные изменения. Институты, по Гидденсу, это устойчивые практики, которые имеют протяженность в пространстве и во времени и посредством которых производятся и воспроизводятся социальные системы. Помимо того, что эти устойчивые практики всегда оказываются «авторскими» (т.е. локализованными в привычном повседневном действии конкретных акторов), одновременно они содержат в себе воспроизводимые и совершенно определенные (инвариантные) *структурные свойства* [Giddens 1979, p.100-107]:

- Сигнификация: правила порождения знаков, а также правила их применения и первичной интерпретации; выравнивание» (стабилизация) кодов и значений;

⁶ Подробнее о теории социальных институтов Гидденса см.: [Климов 2000].

- Легитимация: производство нормативного порядка, нормативное обусловливание и регуляция взаимодействий, «выравнивание интерпретаций»;

- Господство (domination): а) полномочия, санкционирование (authorisation) – способность управлять людьми. б) возможность распоряжаться ресурсами (allocation).

На основании этих структурных свойств Гидденс аналитически выделяет ряд «институциональных характеристик систем социального взаимодействия», т.е. таких, посредством которых и обеспечивается устойчивость социальных практик, и воспроизводятся социальные системы, и обнаруживается потенциал их трансформации [Giddens 1979, p.81-94; Климов 2000]. Последнее исследуется Гидденсом в теории интеграции и системного противоречия.

По Гидденсу, социальные системы характеризуются не просто способностью к саморегуляции и самовоспроизводству; они постоянно развивают собственную «системность» - *воспроизводимую взаимозависимость действий*. Тем не менее, в качестве непреднамеренных последствий действия в сфере воспроизводства социальных систем и в сфере социальной интеграции проявляются «системные противоречия» и «социальные конфликты». Системное противоречие – это «оппозиция или дизъюнкция структурных принципов социальной системы, где эти принципы *действуют в рамках друг друга*⁷, но в то же время противоречат друг другу» [Giddens 1979, p. 141]. Социальный конфликт – это *практика*, это борьба между акторами и общностями, в которой отражаются как институциональные характеристики конкретного общества, так и базовые структурные свойства любых социальных систем (например, господство как асимметрия ресурсов или власть как отношения автономии / зависимости).

На наш взгляд то, что Гидденс увязывает практики социального конфликта с повседневными действиями, это подчеркивает рутинный и воспроизводимый характер социальных конфликтов – наряду с практиками социальной интеграции. Практическое знание, которым оперируют как индивиды, так и коллективные общности, является интегральной частью а) рефлексивного мониторинга действий, б) постоянного моделирования социальной жизни в форме «обыденных теорий», в) практик стратегического поведения действующих субъектов. Именно благодаря этим «микро-практикам» работают принципы воспроизводства социальных систем, поддерживается их саморегуляция, во-первых, посредством *обратной связи* (создание контролирующих фильтров для циркулирующей информации) и, во-вторых, посредством *рефлексивной саморегуляции* – целенаправленной деятельности людей по разработке, трансформации и применению систем контроля. «Увеличение попыток рефлексивной саморегуляции на уровне социальной интеграции является одной из основных особенностей современного мира, – пишет Гидденс. – Это явление лежит в основе двух самых распространенных в современную эпоху типов социальной мобилизации: «легально-рациональной» социальной организации и секулярных общественных движений» [Giddens 1979, p.79]. Иными словами, социальные организации и социальные движения – это два канала, с помощью которых в современном мире приводится в движение рефлексивное знание о социальной жизни [Гидденс 1993, с.79]. Социальные организации систематически аккумулируют и хранят «отфильтрованную» ими социальную информацию, что является залогом стабильности условий для социального воспроизводства. Социальные движения противостоят сложившемуся порядку вещей и обладают более мощным преобразующим потенциалом, связанным с реализацией отторгаемых социальных проектов. Безотносительно к перспективам этих проектов, социальные движения привносят «беспокойство» в настоящее, связанное со снижением доверия к институциональному порядку и системам его воспроизводства. Они способны указать на скрытые возможности

⁷ Выделено мной – И.К.

всей существующей системы взаимодействий, которые не были известны прежде, и дать предварительную оценку перспективам этих возможностей (позитивный потенциал или отрицательные последствия). В любом случае субъектность социальных движений имеет конфликтную природу и их деятельность представляет собой интеллектуальный вызов сложившейся системе знаний: «Социальные движения – это способ выражения (выделено мной – ИК) концентрированного конфликта...» [Гидденс 1993, с.81].

Развернутая Гидденсом система много критиковалась – за компилятивность и даже за «вторичность». Однако важно, что она обосновала возможность именно активистского прочтения социальных процессов, то есть, понимание и анализ повседневности человеческих взаимодействий (где его хоть сколь-нибудь устойчивые связи рассматриваются как скрепы социальных систем) с точки зрения генерации и изменения социальных структур, в пределах которых они имеют место быть. Вопрос структурной предопределенности действий или же волюнтаризма снимается системой аналитических различий, не онтологизирующих одну или другую позицию, но предлагающих своего рода «социологическую алгебру» для исследовательской и аналитической работы, в аксиоматике которой не «защит» уже латентный ответ (как в марксизме и в доктринах анархизма или же в категориальном аппарате структурного функционализма).

Для развития возможностей активистского подхода оказались важными работы М. Арчер и ее теория морфогенеза. Она полагала, что действие и структура опосредованы культурой, которая одновременно и пред-обуславливает действие, и накапливает (окультурирует) трансформационное воздействие. Теория морфогенеза основывается на разборе «эмерджентных свойств» социо-культурных систем. В определенном смысле эта идея перекликается с понятием респонсивности Этциони, но у Арчер эмерджентность – это способность систем быть активными и реагировать на текущую ситуацию и события, а в пределе и обеспечивать радикальное их реструктурирование. Эмерджентные свойства (Арчер различает три их типа) систем проистекают из взаимодействия акторов, и поэтому не могут быть сведены только лишь к характеристикам отдельных элементов или простой их сумме. Первый тип эмерджентных свойств системы – «структурные», т.е. такие, которые связаны с дифференциацией и различием: роли и статусы, набор институтов, социальная стратификация. В них находит свое отражение ресурсно-властные детерминанты взаимодействия.

Второй тип – эмерджентность культуры. Это все те «зримые образцы», в которых «осаждается» духовный опыт людей: убеждения, знания, ценности, традиции и т.д. Третий тип эмерджентных свойств – агентивные, т.е. порождаемые соединением структурных свойств и ресурсов культуры, их взаимодействием и актуализацией в конкретном действии. На уровне агента это выглядит как взаимопроникновение социальной идентичности человека и его и личностной идентичности: в первой мотивация к деятельности сообщается социальными структурами, во второй - проистекает из внутренне присущих способностей и интенций [Арчер 1994].

Собственно, сам морфогенез, т.е. становление социальных форм, рождается не из дуализма структур и деятельности, как у Гидденста, а из их взаимодействия, опосредованного а) культурной системой (идеи и тексты), б) социо-культурной системой (взаимодействие людей и сообществ) [Archer, 1996]. В морфогенезе важную роль играет пред-заданность, культурная обусловленность действия, ведь структура и ее эмерджентные свойства предшествуют деятельности, которая в последствие их же и трансформирует. С другой стороны, развитие культуры реализуется позже, чем осуществляется само трансформирующее действие. То есть, изменения структуры можно понять, аналитически выделяя три фазы: культурная обусловленность - социально-культурное взаимодействие - культурное развитие [Ситнова 2012, с.37-38]. Таким образом, возникающие социокультурные системы предполагают прерывность между

начальной обусловленности взаимодействия и конечным результатом, и «внутри» этой прерывистости как раз и находятся, во-первых, взаимодействующие между собой агенты, а во-вторых, соединяющиеся, со-обусловленные структура, культура и деятельность агента. Таким образом, деятельность не только способствует структурным и культурным трансформациям, но и сама изменяется в ходе этого процесса - сообразно переменам, происходящим с самим действующим субъектом [Archer, 1996].

Таким образом, деятельность не только способствует структурным и культурным трансформациям, но и сама изменяется в ходе этого процесса - сообразно переменам, происходящим с самим действующим субъектом [Archer 1996, p.5]. Это утверждение лежит в основе идеи *двойного морфогенеза*: «формирование и структуры, и деятельности является результатом их взаимодействия. Структура есть совместно вырабатываемый результат взаимодействия: деятельность формируется и изменяет структуру в процессе собственного изменения» [Archer 1996, p.33].

Сегодняшнее развитие активистской социологии связано с именами П. Штомпки и – отчасти – Х. Йоаса. П. Штомпка, пожалуй, первым идентифицировал появление новой, субъектно-деятельностной традиции и показал ее роль для теорий социального становления и социальных изменений [Sztompka 1991, Штомпка 1996]. Он показал, что обуславливающие структуры и действующие агенты встречаются в *практике*: реализацию структурных принципов он называет «оперированием», а воплощение потенции и намерений субъектов – «действием». Практические действия субъектов невозможны без активизации взаимодействия (в наших терминах – без мобилизации, подтвержденной ресурсами способности действовать - ИК), которая либо когерентна существующим формам социальных систем (институты) и воспроизводит их, либо преобразует их, порождая социо-культурные эксперименты и трансформации. По аналогии с «дуальностью структуры» Гидденса, Штомпка говорит о «дуализме агентов»: их свойства одновременно являются

и продуктами структур и ресурсами для их построения, «нет бесструктурных агентов и нет безагентных структур» [Штомпка 1998, с.272].

Особую роль Штомпка отводит «культурной среде коллективного агентства», благодаря которой реализуются и процессы институциональных трансформаций, и стратегии адаптации индивидов и социальных групп к меняющимся условиям жизни, а также поддерживается вовлеченность и мобилизованность социальных субъектов – агентов изменений [Штомпка 2001а, с.6-7; Штомпка 2001в, с.8-9].

Х. Йоас, разбирая многочисленные теории действия, акцентирует внимание на проблематике креативности, имплицитно присутствующей в них. Он стремится снять неплодотворное противопоставление агента и структуры (т.е. теории действия и структурно-системных моделей) и очертить прагматистское понимание «креативности», позволяющее «понять динамику действия, смену и взаимодействие различных его фаз: повседневное, основанное не привычках действие, нарушения и противоречия, возникающие всегда неожиданно и прерывающие ход повседневного действия, креативные попытки решения проблем, которые закрепляются потом в виде новых хабитуализаций» [Йоас 2005, с.7]. Области применения подхода – исследования изменений образцов действия и возникновение ориентаций действия в индивидуальном и коллективном действии. Йоас солидаризируется с позицией П. Штомпки в понимании роли коллективного действия в процессах возникновения, производства и трансформации социального порядка: «процессы коллективного действия и социальные движения вносят существенный вклад в зарождение и изменение социального порядка, но они сами также могут пониматься как формы социального порядка в процессе самосозидания» [Йоас 2005, с.221]. С другой стороны, он поддерживает подход А. Турена, объединяющего тему власти и культуры в определении социальных движений как коллективного предприятия по осуществлению своих ценностей вопреки интересу и влиянию «врага» - сложившихся властных отношений. Соответственно, креативность коллективного действия Йоас

увязывает с «самоинституционализацией общества», которая разворачивается в наложении трех практик: в дискуссиях о новых ценностях и изменении сознания, в социальном протесте и мобилизации способности к действию, а также в опирающихся на власть репрессиях (предотвращение девиаций) [Йоас 2005, с.232].

Итак, в активистской традиции понятие социального субъекта оказывается очень важным в аналитическом плане. Оно позволяет избегать однобокости, когда социальные системы описываются без действующих лиц, когда действия агента рассматриваются только как воплощение структурных характеристик. С другой стороны, этот подход (как и гоффмановская традиция анализа фреймов) позволяет не преувеличивать субъективность конструирования социальных ситуаций: они создаются структурами взаимодействий, а не волюнтаризмом их участников. Свойство человеческих сообществ состоит в том, что они способны порождать и изменять собственные действия, а не адаптироваться к меняющимся условиям простым воспроизводством образцов и подавлением девиаций.

Операционализация понятия субъектности

Главный вывод, который напрашивается при изучении всех упомянутых концепций, состоит в том, что если в обществе нет способных к соперничеству или борьбе субъектов, социальных групп, акторов, динамичность его развития как целостного организма, а также эффективность решения возникающих проблем оказываются крайне низкими. Для того чтобы стать полноценным социальным субъектом, группа должна участвовать в "диалектике контроля" (в терминах Энтони Гидденса) – то есть уметь оказывать влияние на тех партнеров и контрагентов, которые имеют влияние на нее саму. Действительно, органы власти по своей природе призваны осуществлять контроль, управление и принуждение и, безусловно, именно они обладают наибольшими возможностями для реализации этих задач. Соответственно, для участия в «диалектике контроля» социальным субъектам необходимы *несимметричные социальные ресурсы*, и их поиск и актуализация напрямую связаны с мобилизационными и рефлексивными возможностями сообществ. Если бы «диалектики контроля» не существовало, общества потеряли бы свою трансформационную динамику – ведь структурам жизненно необходимо «питаться действиями» (выражение Маргарет Арчер), которые не только их трансформируют, но и в принципе – делают возможными.

Проясним основные идеи нашей работы по операционализации понятия субъектности.

1. Если мы говорим о коллективных агентах, чья субъектность – это не статус, подкрепленный институциональными признаками (например, в виде иерархической организации, основанной на праве власти), можно утверждать, что субъектность такого агента динамична. Его статус либо подтверждается перед лицом новых вызовов, либо трансформируется, адаптируясь к новым ситуациям, либо, если не может адаптироваться, вырождается, деградирует.

2. Социальные субъекты не похожи друг на друга по "профилю субъектности", по тем основаниям, на которых она строится в первую очередь. Субъектность – это набор вариативных характеристик, от которых зависят лицо и судьба этого коллективного агента.

3. С нашей точки зрения, сформированной субъектностью обладают те коллективные агенты, которые способны создавать систему правил, поддерживать ее, делать значимым элементом как внутри группы, так и во взаимодействии с партнерами и контрагентами.

Относительно любой общности, группы, объединения людей мы можем говорить о *субъектности* – подтвержденной ресурсами *способности действовать* ради достижения своих целей, соотносясь при этом с требованиями и намерениями других участников взаимодействия. Сформировавшаяся субъектность предполагает, что актер способен *устанавливать правила* в значимой для него системе отношений и *принуждать* партнеров, контрагентов или иных акторов в своем окружении следовать этим правилам (или хотя бы учитывать их существование) при ведении собственных дел, при принятии решений или же при непосредственных контактах с представителями сообщества⁸. Например, руководство предприятия, где нарушаются права профсоюза или кого-то из его членов, не может не учитывать, что профсоюз будет решать возникшие проблемы через суд (или с помощью криминальных разборок), если он действительно обладает опытом и возможностями для реализации такой стратегии.

Помимо «внешних» правил существуют также «внутренние» правила и процедуры, по которым строится взаимодействие представителей сообщества между собой, на основании которых согласовываются планы и стратегии, решаются текущие как задачи, так и актуальные проблемы. Способность коллективного агента *исполнять* выработанные и установленные «для себя» процедуры, его умение *самому* следовать заявленным правилам является принципиально важным. С одной стороны, это одно из главных условий легитимации организационной структуры сообщества и, соответственно, условие его целостности. С другой стороны, это основание его способности сопротивляться влиянию контрагентов – давлению, манипуляциям, дискредитации и т.д. Когда говорят, что один участник взаимодействия манипулирует другим, подталкивает его к каким-то ненужным, не отвечающим его потребностям действиям, фактически это означает, что этот второй участник воспринимается в качестве *бессубъектного*, неспособного самостоятельно определять стратегию своих действий и последовательно реализовывать ее. Такая ситуация возникает, например, когда профсоюзам предлагают в конфликтной ситуации кулуарные переговоры, в то время как в интересах профсоюза – обсуждение темы на собрании его членов.

Понятие субъектности, будучи описанным как совокупность агентных, деятельностных характеристик некоторой общности людей, является принципиально важным для разговора о социальной мобилизации. Субъектность складывается из целого набора параметров, собранные вместе они представляют собой «профиль», «социальный характер» того или иного коллективного агента. Точно так же мы можем описывать, допустим, особенности разных оркестров через указание на число музыкантов, специфику и количество инструментов, соотношение мужчин и женщин, частоту концертов, предпочитаемый репертуар, преобладание дружелюбия или враждебности и т.д. В нашем же случае к таким характеристикам могут относиться, например:

- *Идентичность*: осознание и переживание людьми своей общности. Формирование общей идентичности – это своего рода «открытие теории», на основании которой для меня и для некоторого числа людей естественным и вполне обоснованным оказывается утверждение: «он такой же, как и я».

- *Внутригрупповая солидарность*. Невозможная без сформированной идентичности, она означает «естественное» перераспределение ответственности: человек делегирует сообществу долю ответственности за себя, и одновременно принимает ответственность за группу, за ее целостность, за сохранность норм и правил⁹.

⁸ См. теорию «систем правил» Т.Барнса и Е. Флэм: Различные социальные акторы выдвигают порой противоречащие друг другу системы правил, и последние в значительной мере связаны с борьбой и конфликтами – на предмет образования, применения и изменения систем правил [Burns, Flam 1990, p.89-99].

⁹ Объяснение солидарности через «перераспределение ответственности» было предложено В. Ядовым [Ядов 1998, с.11-12].

- *Формы легитимации* возникающей (или уже ставшей) системы ролей, способы – формальные и неформальные, которыми достигается внутригрупповое согласие, а также согласованность представлений о целесообразности и правильности распределения функционально-ролевых позиций в сообществе.

- *Компетентность относительно режимов правил и правил трансформации.* Следуя за Т. Барнсом и Е. Флэм, мы можем сказать, что умение социального агента выбирать сообразно ситуации тот или иной "режим правил" для регулирования социального действия снижает риск возникновения неожиданных последствий, непонимания и конфликта [Burns, Flam 1990, p.41-42]. Логика действий, пригодная для забастовки или митинга, ведет к неудачам во время работы в согласительной комиссии и содержательно (а не только процедурно) неуместна во время судебного разбирательства. То же самое относится и к одной специфической ситуации – ситуации изменения правил (смена руководителя или лидера, принятие решений, правила отчетности, достижение консенсуса, взаимных обязательств между коллективом и отдельными его членами и т.д.). Отсутствие компетентности относительно правил трансформации правил чревато утратой внутригрупповой солидарности, кризисом легитимности, потерей суверенитета и т.п.

- *Членство и лидерство:* наличие (или отсутствие) постоянного состава участников сообщества, а также наличие (или отсутствие) лидера или лидерской группы, обладающей подтвержденными полномочиями и статусом, а также способной реализовывать инициативы и брать на себя ответственность за существование группы.

- *Неформальный и институциональный статусы.* Обладание институционализированным статусом, подтвержденным какими-либо легитимирующими актами или процедурами (свидетельствами, договорами, законами, выборами и т.д.), придает решениям и действиям коллективного субъекта прозрачность и юридическую весомость, а следовательно – большую институциональную эффективность. Например, некоторые исследователи отмечают, что гражданское участие и социальная мобилизация в большей степени определяются существующей институциональной и организационной инфраструктурой, нежели традиционными объединениями, основанными ни добровольном и инициативном членстве, и зачастую возникают вокруг правозащитных, адвокатских и иных профессиональных организаций и ассоциаций [Sampson, McAdam, MacIndoe, Weffer-Elizondo 2005, p.679; Skocpol 2004, p.4-6].

Неформальный статус – это не просто «реноме» субъекта, «общее мнение» о нем со стороны возможных участников и контрагентов, это также практика «теневых» или вне- и пред- институциональных отношений с этим сообществом, объединением людей. Действенность, социальная значимость неформального и институционального статусов (континуально друг с другом связанных) различны в разных коммуникативных ситуациях: одно дело участие в судебном разбирательстве или в переговорах, другое – необходимость достижения внутреннего согласия относительно текущих задач и способов их решения или же реализация процедуры делегирования.

- *Устойчивость коллективных практик.* Это означает не только согласие относительно целей деятельности и самого существования сообщества, но также и способность существующей организационной структуры их реализовывать в соответствии с выработанными правилами. Наличие воспроизводящихся практик, ритуалов или коллективных актов подтверждает и легитимирует как ролевую структуру сообщества, так и социальную значимость, статус агента в системе отношений с другими акторами.

- *Социальная изоляция/включенность:* наличие партнеров и контрагентов, признающих легитимность данного субъекта и допускающих для себя возможность «иметь с ним дело».

Стоит подчеркнуть, что отсутствие той или иной характеристики или слабая ее выраженность вовсе не означают отсутствия субъектности у того или иного коллективного агента [Климова 2004, с.277]. Субъектность может строиться вокруг

разных базовых параметров, которые будут обеспечивать его своеобразие. Кроме того, мы можем оценивать субъектность по *степени выраженности* перечисленных выше переменных, но также можем оценивать ее и *применительно к той роли*, на которую претендует агент в заданной системе отношений.

Если воспринимать субъектность как некоторый «профиль» социальной общности, можно утверждать, что он способен меняться как под влиянием внутренних процессов, так и под влиянием внешних сил или ситуации. Если мы предполагаем, что существует этап становления субъектности и этап ее полноценного функционирования, значит, субъектность также может исчезать. Иногда – в результате естественного хода вещей – например, когда члены сообщества сочли решенными задачи, для которых оно формировалось; либо когда они разочаровались в декларированных целях. Иногда – принудительно, под давлением внешних воздействий: дискредитации сообщества или его лидеров, репрессий, массовых увольнений, формальных реорганизаций.

Здесь важно подчеркнуть, что люди конструируют систему взаимодействия, приписывая статус социального субъекта одним и отказывая в нем другим. Иными словами, субъектность формируется в борьбе за получение и поддержание своего статуса. Там, где субъекты вступают в конкурентные отношения, оппоненты стараются прежде всего поставить под сомнение способность контрагента принимать самостоятельные, ответственные и компетентные решения, т.е. его субъектность.

Субъектно-институциональный подход в политологии

Субъекты политики – «стратегические акторы»¹⁰ политического процесса, обладающие целым рядом качеств политической самостоятельности или автономии и политического влияния. В зависимости от степени политической автономии и влияния выделяются три типа «действующих лиц» поля политики: агенты (зависимые и невлиятельные), акторы (автономные, маловлиятельные) и субъекты (самостоятельные, влиятельные)¹¹.

Показателями политической автономии субъекта политики¹² являются степени его самоорганизации, самоуправления и самодостаточности, а также способности к самостоятельному целеполаганию (формулированию стратегии поведения) и наличие собственной идентичности.

О влиятельности субъекта политики можно судить по степени статусности и ресурсообеспеченности политического актора и его воздействию на политический процесс¹³. Оценить ресурсообеспеченность политического актора можно анализируя наличный «портфель ресурсов», его состав, объем и степень диверсифицированности. Воздействие политического актора зависит от степени его активности и разнообразия

¹⁰ Флигстин Н. 2001. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений. – Электронный журнал «Экономическая социология». Т.2, №4. Доступ: www.ecsoc.msses.ru.

¹¹ Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам. ПОЛИС. №3, 2011. С. 72-87.

¹² Какабадзе Ш.Ш., Зайцев Д.Г., Звягина Н.А., Карастелев В.Е. Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов // Полис. Политические исследования, 2011. № 3. С. 88—108. Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Вопросы идентификации и самоидентификации «гражданских объединений». В кн.: XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 книгах. Книга 1. Москва: НИУ ВШЭ, 2012. С. 311—320.

¹³ О методике оценки влиятельности см. Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / Ред.колл.: Н.Ю. Беляева (отв. ред.), Ш.Ш.Какабадзе, Д.Г. Зайцев. М.: РАПН, РОССПЭН, 2012. С. 228-232.

применяемых и используемых им форм политического участия¹⁴. Отдельным показателем политического влияния субъектов политики является их способность трансформировать старые и создавать новые институты и «правила игры»¹⁵.

При этом необходимо учитывать, что на противоположной части спектра статусов «агент – актер – субъект» находятся различного рода стихийные неупорядоченные группы граждан. Последние в политическом процессе могут рассматриваться другими политическими акторами (агентами или субъектами) как явления «политического климата», сигналы к политическим изменениям, тому или иному политическому действию. Часто такие стихийные выступления масс являются показателями общественного недовольства, сигналом для элит, что что-то не так. При этом принятие решений и действия по политическим изменениям остаются исключительным делом и компетенцией самих элит. Стихийные группы граждан на политические изменения, кроме подачи соответствующего сигнала об их необходимости, никак не влияют. Наоборот, агенты, акторы и особенно субъекты влияют на политические изменения (агенты в интересах патрона, акторы и субъекты самостоятельно в собственных интересах). Редкие случаи, когда стихийные группы граждан трансформируются в гражданских субъектов политики (как, например, движения «Солидарность» в Польше или «Саюдис» в Литве). Чаще массовый протест так и остается стихийным выражением недовольства граждан, который подавляется старой или подчиняется новой политической элите (как, например, показывают сегодняшние события «Арабской весны»). При этом теоретически можно выделить несколько стратегий действий таких трансформирующихся в субъектов политики стихийных групп граждан – выращивание «из себя» новой политической элиты и/или создание «полиси коалиций» (policy coalitions) для разработки и продвижения альтернативных политик (policies).

Возможности и ограничения разных подходов к исследованию гражданского участия

Подходы, развиваемые в неоинституциональной парадигме, в активистской социологии и в политологических концепциях гражданского участия в значительной степени пересекаются и дополняют эвристические возможности друг друга.

Неоинституциональный подход, как известно, основан на «методологическом индивидуализме», т.е. объясняет развитие и трансформацию социальных систем рациональными (и даже эгоистическими) действиями отдельных индивидов. Собственно «общество», как несводимую к совокупности индивидов социальную систему, он объясняет наличием все более усложняющихся «игр»: совокупности ориентаций индивидов на действия друг друга, собственно действий, основанных на реализации индивидуальных интересов, стратегических расчетах и предположениях об ориентациях («играх») других участников по взаимодействию.

Неоинституционализм хорошо моделирует стратегические действия ориентированный на «выгоду» индивидов так, как если бы они были рациональными акторами, одновременно рационально понимающими ограниченность своих возможностей на 100% рационально принимать решения. Одновременно этот подход дает хорошую методологию для оценки «игр» как системы дилемм, сценариев и условий для акторов, находящихся в одном «игровом поле».

¹⁴ Анализ субъектности на примере аналитических центров см. Зайцев Д.Г. Аналитические центры в политике. Характеристика и оценка влияния на политический процесс. Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing AG& Co KG, 2010.

¹⁵ О том, как гражданские объединения трансформируют и создают институты гражданского участия в современно России см. Какабадзе Ш.Ш., Зайцев Д.Г., Звягина Н.А., Карастелев В.Е. Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов // Полис. Политические исследования, 2011. № 3. С. 88—108.

К недостаткам неоинституционализма можно отнести слабую концепцию актора, т.е. действующего. Одна из проблем - аксиома о доминировании эгоистического интереса у действующих индивидов в разработке им стратегического плана действий. В силу этого данный подход с трудом объясняет «эмерджентные свойства» социальных систем, невыводимых из простой суммы составляющих индивидов, например, процессы возникновения и устойчивости сообществ, процессы коллективного социальной мобилизации, формирования идентичности и солидарности.

Активистская социология стремится развивать «синтетический» подход, ставя своей задачей снять традиционное противопоставление структуры и действия. Основной фокус – не просто разработка динамических моделей социальных изменений, в которых структурные свойства социальных систем «встречаются» с трансформирующими действиями индивидов и солидарных сообществ. Для решения этой задачи развиваются различные модели действующего субъекта и социо-групповых механизмов их формирования (и в особенности – коллективных субъектов различного «профиля» - от солидарных сообществ до сетей с «вынужденной солидарностью»). Но одновременно - исследуются детерминирующие связи, последовательно влияющие и на институциональное устройство общества, и на активистские возможности индивидов и различных форм солидарности. «Эмерджентные свойства» социальных систем (основанные на сети интеракций) предстают одновременно и кумулятивным результатом истории «встреч» свойств институтов и практик действующих субъектов, и «экспериментальной лабораторией», в которой зарождается трансформационный потенциал социального (и в том числе субъектного, коллективного действия) и апробируются инновационные стратегии развития социальных систем.

Недостатком социологического подхода является, во-первых, отстранение от глобальных трендов развития социальных систем, их роли и механизмов по трансформации локальных контекстов действия. Во-вторых, это особая установка в отношении политического действия и в целом политического поля. Безусловно, политические отношения рассматриваются и проблематизируются, но они интересны в первую очередь как один из случаев господства/подчинения, автономии/зависимости. А вот политический процесс как самостоятельный предмет исследования оказывается в стороне от основных направлений разработок. Одновременно существуют сложности при описании «эффективности» трансформационного воздействия (особенно в поле политики): в целом эффективность понимается как достижение интегративного эффекта для системы, т.е. сохранение ее возможностей адаптации к различным рискам и «вызовам» при сохранении возможностей различных акторов становиться «проводником» и автором изменений.

Поле возможностей политологии - сфокусированность на исследовании политического процесса как целостного явления, принцип рассматривать политические эффекты любого действия, события, актора, фокус на проблематике воздействия и влияния. Недостатки политологического подхода - определенная склонность к номинализму – недостаточная эмпирическая верификация созданных концептов.

Библиография

- Климова С.Г. Профсоюзы как форма субъектности наемных работников // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Sampson R.J., McAdam D., MacIndoe H., Weffer-Elizondo S. Civil society reconsidered: the durable nature and community structure of collective civic action // American journal of sociology. Vol. 111. №3. Nov. 2005.
- Skocpol T. Voice and inequality: The transformation of American Civic democracy // Perspectives on politics. 2004. №2.

- Ядов В.А. Солидаризация рабочих в российской действительности: замысел исследования и теоретические предпосылки // Солидаризация в рабочей среде / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во ИС РАН, 1998.
- Burns T., Flam H. The shaping of social organization. Social rule system theory with application. Beverly Hills: Sage publications, 1990.
- Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб, Наука, 1993.
- Jenkins C. Resource mobilization theory and the study of social movements // Annual Review of Sociology. 1983. Vol.9. p.527-553.
- Девятко И. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
- Sztompka P. Society in action. The theory of social becoming. Cambridge, Polity Press. 1991.
- Giddens A. New rules of sociological method. Cambridge: Polity Press, 1994.
- Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 4. С. 28-55.
- Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996.
- Когнитивная психология: История и современность. Хрестоматия / Под ред. М.Фаликман, В.Спиридонова. М.: Ломоносовъ, 2011.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Арчер М. Реализм и морфогенез / Пер. с англ. О.А. Оберемко // Социологический журнал. 1994. № 4.
- Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Сочинения. Издание 2-е, Т.3. М.: Издательство политической литературы, 1955.
- Давыдов Ю.Н. Д.Лукач и левое неогегельянство. Генезис неомарксизма // История теоретической социологии. Т.2. / Под ред. Ю.Н.Давыдова. М.: Канон, 1998.
- Etzioni A. The active society. New York: Free Press, 1968a.
- Etzioni A. Mobilization as a macrosociological conception. // The British journal of sociology. 1968b. V.19. №3.
- Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный Мир, 1998.
- Giddens A. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London: Macmillan Press, 1979.
- Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Климов И. Социологическая концепция Э.Гидденса // Социологический журнал. 2000. № 1-2.
- Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии / Пер. с англ. Е.В. Якимовой // THESIS. Т.1. Вып. 1. 1993.
- Archer M.S. Culture and agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge University Press, 1996.
- Ситнова И.В. Активистско-деятельностная методология в моделировании процесса институциональных изменений // Социологические исследования. № 7. 2012.
- Штомпка П. Социология социальных изменений / Под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Штомпка П. Социальное изменение как травма / Пер. с англ. А.Ю. Моисеевой, Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2001. №1.
- Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / Пер. с англ. В.В. Репьева, Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2001. №2.
- Йоас Х. Креативность действия. СПб: Алетейя, 2005.